

© 2012 г. Ш.А. Умахаджиев

УДК 340

МИГРАЦИИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ НАРОДОВ ДОНА И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

О средневековой миграции и ее значении для формирования региональной государственности можно судить по географии расселения славян на Дону в системе Хазарии. Анализ вопросов датировки и пределов славянского расселения позволяет сделать вывод, что существует, по крайней мере, три географически обусловленных аспекта, связанных между собой. Часть исследователей интересовалась лишь определенной территорией. Одни из них изучали Дон, другие – Северский Донец, третьих привлекал Северный Кавказ. Но единого процесса расселения никто из них не представлял.

При определении путей расселения современная историография исходит из данных, полученных при изучении вопроса племенной принадлежности. Например, те, кто предполагал присутствие на Дону вятичей, «вели» колонизацию с Оки и верховьев Дона. Другие, по мнению которых в регионе обитали северяне или какое-либо другое племя славян, считали, что колонизация шла с междуречья Днепра и Северского Донца. Но четкого деления процесса на этапы и особенности у исследователей не прослеживается. В литературе эта проблема как нечто целое отсутствует, она представлена лишь фрагментами в ряде работ, где ставятся несколько иные цели, чем анализ длительных во времени процессов расселения славян в регионе во всей их сложности и многоаспектности.

Ряд исследователей, подходивших упрощенно к решению этого вопроса, считали, что, если регион не был сплошь заселен славянами и если на территории Дона обнаруживаются другие археологические культуры, неславянские по происхождению, неправомерно говорить о каком-либо присутствии здесь славян неправомерно. Указанное противоречие – мнимое. Славянские поселения речной поймы представлены «островками», как это и положено «гнездам» Роменско-Боршевской культуры. Необходимо учитывать при этом

два взаимосвязанных аспекта. Во-первых, славяне расселялись, исходя из природно-географических факторов (наличия леса, удобных мест для поселения, климата, полноводности реки и т.д.). Во-вторых, в силу своего социально-экономического развития, славяне выбирали себе те места, которые были удобны и с точки зрения обороны, и для земледелия, и для торговли. Эти территории, богатые лесами, также были полезны с точки зрения развития различных промыслов. Немаловажно, что «очаги» или «островки» славянских поселений на Дону, расположенные на высоких лесистых берегах рек, не мешали степным народам, не представляли опасности их кочевьям и местам водопоя скота.

До VIII в. славяне, двигаясь на юго-восток через Днепр, Северский Донец, Оскол и оседая вдоль этих рек, расселились до среднего Дона. В то время это был крайний восточный рубеж славянского присутствия, хотя аналогичные элементы Черняховской культуры встречаются и в Танаисе [1]. Учитывая все вышесказанное, можно предположить, что на юге праславянское население появилось раньше, чем на севере. Однако такой вывод вводит исследователей в заблуждение. Археологические источники говорят, что в верховьях Донца Черняховская культура появилась раньше, чем в Приазовье [2], хотя до VIII в. о пределах расселения и датировке говорить сложно. Сравнивая имеющиеся сведения с данными VIII-X вв., можно отметить направление основной волны колонизации на лесостепной восток, к среднему течению реки Дон, а не на степной юг. Имеющиеся в распоряжении ученых данные VI-VII вв. не дают ответа на вопрос, почему в этот период славяне не распространились в экономически и стратегически выгодном, богатом лесном регионе, с полноводными реками и т.д. Причинами могут быть следующие:

1. Археологические, письменные источники не подтверждают экономической важности торгового пути в силу особенностей социально-экономического развития того периода. Свое значение торговля приобретает с VII в. [1].
2. Славянские племена заселяли более западные районы (тогда еще свободные), а социально-экономическое развитие не стимулировало процесс расселения.

3. Имели место и международные, внешнеполитические причины: малочисленность славян на восточных рубежах делала их легкой добычей соседей.

Поэтому появившиеся на Дону славяне не смогли начать интенсивное расселение в регионе, хотя именно в том историческом периоде назревали социально-экономические и политические предпосылки, которые позволили славянам в последующем занять свое историческое место в Донском регионе. Немалое значение имели природно-географические факторы и выгодная этнологическая ситуация. Самое интенсивное расселение славян на Дону происходило в период VIII-XII вв. в несколько этапов.

Вдоль «пограничья» Северского Донца и в районах рек Воронеж, Хопер, Медведица славяне расселились в VIII в. При этом надо отметить, что заселение Дона и Донца проходило по-разному. Заселение низовьев Дона шло с обоих, донского и донецкого, направлений. Трудности датировки связаны с тем, что территория нижнего Дона не исследована в должной степени. В среднем течении Дона археологически доказано расселение волнами. Первая волна относится к IX в., вторая – к X-XI вв., третья – к XII в. До IX-X вв. славяне редко спускались на Нижний Дон. На каждом из указанных этапов славяне изменяли пределы своего расселения (например, как уже упоминалось, в IX в. славяне однажды перешли с Северского Донца на Дон).

С началом новой волны расселения славян по Среднему и Нижнему Дону в X в. часть славянских поселений на Среднем Дону перестала существовать [3]. То, что жители взяли с собой все, что можно было унести, отсутствие разрушений, а также ряд других признаков свидетельствует о том, что славяне ушли на нижний Дон. Это хронологически совпадает с общим усилением роли славян в регионе, падением каганата и борьбой донских славян против объединительной политики Киева [4]. Возможно, что часть поселений Подонья прекратила свое существование в IX-X вв. не столько из-за набегов печенегов, сколько в результате мирного переселения в только что отстроенный Саркел. В его самых ранних археологических слоях обнаружены следы пребывания славян – именно тех вариантов Роменско-Боршевской культуры, которые представлены на реке Воронеж, в Дмитриевском и Белогорском комплексах. Следовательно можно считать, что «волна» IX в. имеет свое политическое, социально-экономическое обоснование. В X-XII вв. заселяются

уже нижний Дон и Приазовье. Вокруг Белой Вежи возникает ряд славянских поселений, захоронений, памятников, принадлежавших славянам: Ближняя мельница (р. Чир), Есауловский (на р. Аксай), по р. Царице, на Цимле, у хуторов Попова, Потайного, Ляпичева, в Правобережном Городище. Однако территория вокруг Саркела – Белой Вежи до сих пор плохо изучена [5].

Необходимо подчеркнуть особую специфику славянского присутствия в устье Дона и в Приазовье. На возможность существования здесь какого-либо славянского центра давно указывали косвенные данные [6]. Например, считалось, что здешние славяне являлись частью этнически-пестрого населения Азова и торговой фактории «Россия» [7]. Масштабные археологические исследования славянских поселений Нижнего Подонья – Приазовья начались в 60-х гг. На сегодня исследовано немало элементов славянского присутствия: в одних только поселениях их известно более пятнадцати [8]. Хотя говорить о формировании здесь славянского центра было бы ошибкой. К VII в. в этой части Приазовья сложилась четкая система кочевого скотоводства, названная И.А. Барановым и П.А. Ларенком «большим кочевым кольцом» вокруг Приазовья. Торговля в этом районе велась не через крупные торжища, а в многочисленных пунктах у устьев рек и крупных балок [9], поэтому в центре кочевий славянских поселений быть не могло. Присутствие славян среди подавляющего большинства кочевников «постсалтовской» культуры в конце X-XII вв. можно связывать с торговыми экспедициями славян. О том, что славяне пришли сюда примерно во второй половине X-начале XI в. с Северского Донца или даже из Киева свидетельствуют и некоторые элементы культуры. Имеются также аналогии со славянами IX-XII вв., обитавшими в Саркеле – Белой Веже, и местными степными культурами.

Очевидно, целый ряд поселений от Белой Вежи до Приазовья включительно представляли славянский политический центр, возникший в результате расселения славян в нижнем Подонье. С «восточными» вятичами соседствуют в Приазовье элементы «западных» северян, что говорит о том, что этот центр заселяется с обоих указанных регионов верхнего и среднего Подонья. В результате экономических и политических взаимоотношений колоний с населением Золотой Орды и Зихии в XV в. сформировалась этнокультурная общность, представители которой именовали себя *черкесами-франками*. В результате взаимодействия Генуи и Черкесии упоминается и этносоциальная

общность наемников, так называемых *оргузии* (*orgusii*), отождествляемых в литературе с казаками. Итальянские купцы также совмещали пиратство с торговыми операциями. В этом смысле итальянцы мало чем отличались от своих турецких современников и казаков XVI-XVII вв.

Итак, государство Золотая Орда представляло собой раннефеодальную монархию, форма государственного единства ее определялась отношениями сюзеренитета – вассалитета. Социальная структура золотоордынского общества также характеризуется раннефеодальной, при заимствовании элементов общественного строя у покоренных ими государств. Население государства было полиэтничным и состояло из кочевых и оседлых народов. В Причерноморье-Приазовье получила развитие колонизационная тенденция. Существование в золотоордынском Подонье и на Кавказе специфических этнических или социальных групп (бродников, и т.д.) также говорит об исторической преемственности тенденций, имевших место в регионе домонгольского времени.

Таким образом, на огромном пространстве Поволжья, юга современной России, на Дону и на Северном Кавказе, занимающем территорию трех федеральных округов, четко прослежен миграционный фактор образования государства. Все рассмотренные народы для данной территории являлись пришлыми, их способ хозяйствования был или связан с кочевым образом жизни, или был необходим для поддержания кочевой инфраструктуры. Приведенные примеры могут быть подтверждены в изучении проблематики исторической судьбы донских славян с середины XII в. до XVI в., что актуализируется в нескольких аспектах. Более широкая постановка проблемы представляется связи с проблемой трансформации славяно-русского населения в бродников, затем в казаков, причем, каждый из аспектов проблемы требует собственно исследования.

Более локальной представляется проблема восприятия казачеством элементов государственности у своих предшественников, заселявших донскую степь в доказачий период. Следственно, проблематику славяно-русского присутствия в Подонье-Приазовье можно сформулировать через призму развития здесь государственно-правовых институтов в XIII-XVI вв. Поэтому, исследование взаимосвязанных вопросов формирования квазигосударственности и субэтнуса также ставится предметом настоящего исследования.

Проблематика славяно-русского присутствия на Дону в XII-XVI вв. выявляет несколько периодов:

а) половецкое время XII – первая треть XIII вв.;

б) золотоордынский период XIII-XIV вв.;

в) турецкий (османский) период с XV-XVI вв. В третий период появляется казачье население.

Здесь четко прослеживается концентрация поселений, которые группировались в двух местах:

1. Верхний и Средний Дон (пограничье Руси и степи в XII-XVI вв. постоянно менялось).
2. Устье Дона – в Азаке (Азове) и в его окрестностях. От оседлого населения Подонья отличались бродники XII-XIV вв. – вероятные предшественники казачества. Как видно из источников, оседлое население и бродники не одно и то же. Следовательно, необходимо привести отличия между этими группами донского населения и рассматривать названные этнические или социальные группы в сравнительно-исторической ретроспективе.

По подсчетам Н.А. Мининкова, в XVI в. казачество насчитывало 8-10 тыс. человек. Численность его поднялась до 20 тыс. после укрепления на Дону семейной жизни и появления к началу XVII в. слоя коренного, потомственного казачества и держалась в этих пределах до конца века. Эти данные имеют принципиальное значение, так как показывают, что казачество являлось серьезным геополитическим фактором в пределах «Дикого поля» между Доном и Волгой. Обширная и целостная территория Юга России в совокупности с природно-климатическими условиями послужила основой для воспроизводства и сохранения казачьего субэтнуса. Это повлияло на внутрихозяйственную организацию этносоциальной аморфной общности, образовавшейся в «контактных зонах» естественноисторическим путем: донское, запорожское, терское и яицкое казачество.

По инициативе правительства в XVIII-XIX вв. сформировались другие казачьи общности. Примером могут служить Астраханское, Семиреченское, Черноморское и другие казачьи войска, в которых преобладали не этнические, а социальные процессы и которые изначально субэтнусами не являлись. Здесь доминировал функциональный принцип создания казачьих войск для

несения сторожевой службы и охраны границ на период ведения боевых действий, а не этнолингвистические признаки возникновения казачества. Например, Азовское, Бугское, Чугуевское казачьи войска были вскоре ликвидированы по мере решения поставленных задач. Становление и развитие донского казачества протекало на фоне широкой неказачьей этнической среды, что сказывалось на его составе и структуре. Казачество часто смешивалось с различными этническими группами, с которыми оно находилось в естественном контакте, существуя, однако, органично одна возле другой, не поглощая друг друга. На Дону проживали калмыки, которые в первой половине XIX в. начали привлекаться для несения службы, а с XVII-XVIII вв. – также старообрядцы, молокане и т. д. Таким образом, в истории средневековых народов Дона и Северного Кавказа фактор миграции присутствует и, в значительной мере взаимосвязан с социокультурными аспектами развития региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археология Украинской ССР. Раннеславянский и древнерусский период. Киев, Т.3. 1986; *Плетнева С.А.* Беспокойное соседство. Русь и степные кочевники в домонгольское время // *Родина*. 1996. № 12; *Гадло А.В.* Тмутараканские этюды // *Вестник ЛГУ. Серия: История*. 1991. Вып. 4. № 2.; *Гудименко И.В.* Некрополь позднеантичного поселения Рогожкино XIII // *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1991 г.* Азов. АКМ, 1993. Вып. 11.; *Шелов Д.Б.* Раскопки Танаиса // *Археологические раскопки на Дону*. Ростов-на-Дону, 1973.
2. *Семенов О.А., Сергеев В.И.* История началась в Причерноморье. Ростов-на-Дону, 1998; *Москаленко А.Н.* Славяне на Дону. (Боршевская культура). Воронеж, 1981.
3. *Ефименко П.П., Третьяков П.Н.* Древнерусские поселения на Дону // *МИА СССР*. № 8. М., Л., 1948.
4. *Пряхин А.Д.* Археологические памятники Боршевской культуры на р. Воргол // *Вопросы истории славян*. Воронеж, 1963.
5. *Сорокин С.Н.* Новый археологический материал по истории русского железодельного производства (коллекция изделий из железа, собрания Волго-Донской археологической экспедиции у ст. Цимлянской)

- // Сообщения Государственного Эрмитажа. Л., 1957. № XI; *Артамонов М.И.* Белая Вежа // КСИИМК АН СССР. 1951. № 41; *Артамонов М.И.* Саркел – Белая Вежа // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. МИА СССР. М., 1958. Т. III;
6. *Лунин Б.В.* Археологическое изучение Подонья-Приазовья в дореволюционные и довоенные годы. Ростов-на-Дону, 1962.
 7. *Иловайский Д.И.* Размышления о начале Руси; *Рыбаков Б.А.* Русские земли по карте Идриси в 1154 г. // КСИИМК. М., 1952. Вып. XLIII.
 8. *Марков С.М.* Археологические раскопки на Дону в послевоенный период // Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону, 1962; *Перевозчиков В.И.* Гончарный комплекс XIV в. в котловане под Домом быта «Юбилейный» // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1991 г. Азов, 1993. Вып. 11; *Рязанов С.В.* Славянское поселение близ города Таганрога // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1990 г. Дон и Северный Кавказ. Азов, 1991. Вып. 10.
 9. *Ларенок П.А.* Некоторые итоги археологических разведок Таганрогского музея-заповедника в Северо-восточном Приазовье // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Азов, 1990. Вып. 9.

LITERATURE

1. Arheologiya Ukrainskoi SSR. Ranneslavyanskii i drevnerusskii period. Kiev, T.3. 1986; *Pletneva S.A.* Bepokoinoe sosiedstvo. Rus' i stepnye kochevniki v domongol'skoe vremya // Rodina. 1996. ¹ 12; *Gadlo A.V.* Tmutarakanskije etyudy // Vestnik LGU. Seriya: Istoriya. 1991. Vyp. 4. ¹ 2.; *Gudimenko I.V.* Nekropol' pozdneantichnogo poseleniya Rogozhkino XIII // Istoriko-arheologicheskie issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu v 1991 g. Azov. AKM, 1993. Vyp. 11.; *Shelov D.B.* Raskopki Tanaisa // Arheologicheskie raskopki na Donu. Rostov-na-Donu, 1973.

2. *Semenov O.A., Sergeev V.I.* Istoriya nachalas' v Prichernomor'e. Rostov-na-Donu, 1998; *Moskalenko A.N.* Slavyane na Donu. (Borshevskaya kul'tura). Voronezh, 1981.
3. *Efimenko P.P., Tret'yakov P.N.* Drevnerusskie poseleniya na Donu // MIA SSSR. M.,L., 1948.
4. *Pryahin A.D.* Arheologicheskie pamyatniki Borshevskoi kul'tury na r. Vor-gol // Voprosy istorii slavyan. Voronezh, 1963.
5. *Sorokin S.N.* Novyi arheologicheskii material po istorii russkogo zhelezodelatel'nogo proizvodstva (kolleksiya izdelii iz zheleza, sobraniya Volgo-Donskoi arheologicheskoi ekspedicii u st. Cimlyanskoi) // Soobsheniya Gosudarstvennogo Ermitazha. L., 1957. ¹ XI; *Artamonov M.I.* Belaya Vezha // KSIIMK AN SSSR. 1951. ¹ 41; *Artamonov M.I.* Sarkel Belaya Vezha // Trudy Volgo-Donskoi arheologicheskoi ekspedicii. MIA SSSR. M., 1958. T. III;
6. *Lunin B.V.* Arheologicheskoe izuchenie Podon'ya-Priazov'ya v dorevolyu-cionnye i dovoennye gody. Rostov-na-Donu, 1962.
7. *Ilovaiskii D.I.* Razmyshleniya o nachale Rusi; *Rybakov B.A.* Russkie zemli po karte Idrisi v 1154 g. // KSIIMK. M., 1952. Vyp. XLIII.
8. *Markov S.M.* Arheologicheskie raskopki na Donu v poslevoennyyi period // Arheologicheskie raskopki na Donu. Rostov-na-Donu, 1962; *Perevozchikov V.I.* Goncharnyi kompleks XIV v. v kotlovane pod Domom byta «Yubileinyi» // Istoriko-arheologicheskie issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu v 1991 g. Azov, 1993. Vyp. 11; *Ryazanov S.V.* Slavy-anskoe poselenie bliz goroda Taganroga // Istoriko-arheologicheskie issle-dovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 1990 g. Don i Severnyi Kavkaz. Azov, 1991. Vyp. 10.
9. *Larenok P.A.* Nekotorye itogi arheologicheskikh razvedok Taganrogs-kogo muzeya-zapovednika v Severo-vostochnom Priazov'e // Istoriko-arheologicheskie issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 1989 g. Azov, 1990. Vyp. 9.

Южный

федеральный университет

24 января 2012 г.